

0- 777344

На правах рукописи

Крысин Роман Игоревич

«РУССКАЯ ИДЕЯ» В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И АНДРЕЯ БЕЛОГО:
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
«ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕМЫ»

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
профессор **Сарычев Владимир Александрович**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Тюленева Елена Михайловна**

кандидат филологических наук
доцент **Юрченко Лариса Николаевна**

Ведущая организация: Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина

Защита состоится «14» апреля 2009 года в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по
адресу: 399740, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу:
399740, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «7» марта

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547548

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук профессор *А.А. Дякина* Дякина А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы: Проблема «Достоевский – Белый» изучалась литературоведами исключительно как вопрос об отношении Андрея Белого к личности и творчеству Ф. М. Достоевского, в то время как проблема эта, по нашему мнению, гораздо глубже. Она заключается не столько в специфике восприятия Белым Ф. М. Достоевского, сколько в том, как оба писателя трактовали и выражали в своих произведениях «русскую идею», русское национальное сознание; в том, какой они видели эсхатологическую судьбу России; в том, наконец, как они понимали эсхатологическое призвание русского народа, русское национальное мессианство.

Социальная актуальность темы определяется тем, что в последние годы в культуре нашей страны усиливается внимание к вопросам русского национального сознания, особенно велик интерес к русской литературе. Взгляды русских прозаиков, поэтов и философов XIX – начала XX вв., таких как Пушкин, Гоголь, Чаадаев, Некрасов, Достоевский, Тютчев, Вл. Соловьев, Бердяев, Андрей Белый и др., с новой силой и с новыми подходами к этим взглядам изучаются сейчас как некая основа для выявления новой-старой «русской идеи», которая должна стать центром духовного объединения нации.

Названная тенденция расценивается нами (в разумных ее пределах) как, безусловно, положительный и необходимый ответ на общенациональный духовный кризис конца XX–начала XXI вв., спровоцированный отрывом культуры от национальных ее основ и ориентацией на западные образцы. Данное диссертационное исследование написано в контексте вышеуказанной тенденции.

Настоящая работа выполнена в соответствии с направлением научно-исследовательской работы кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета.

Объект исследования – «русская идея» в трактовке Ф. М. Достоевского и Андрея Белого.

В процессе изучения специфики «русской идеи» было важно избежать оперирования пустыми абстракциями, что возможно при изучении идей вообще. Для этой цели необходимо найти некое направление, которое бы максимально дифференцировало изучаемую идею, и рассматривать идею в соотношении ее с этим направлением. Таким направлением русской мысли и русской религиозно-философской литературы заявлена эсхатология. Здесь необходимо сделать важное уточнение: в рамках «русской идеи» эсхатологические мотивы синтезировались с элементами мифологического мировоззрения, лежащего в основе русского народного сознания. Так или иначе, подвергнуть основательному исследованию всю русскую литературу с целью выявления мифологического и эсхатологического подтекста – задача трудновыполнимая в масштабе

одной работы ввиду чрезвычайной обширности предмета. Поэтому потребовалось ограничиться изучением художественно-философского наследия наиболее ярких, на наш взгляд, представителей этой литературы, исповедовавших на разных этапах ее развития идею русского национального избранничества. Выбор был остановлен на Ф. М. Достоевском как представителе классической литературы XIX в. и Андрее Белом как теоретике и практике русского символизма эпохи рубежа XIX–XX вв. Итак, предмет исследования – эсхатологические системы взглядов Достоевского и Белого.

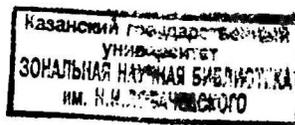
Материал исследования – художественные и публицистические произведения Ф. М. Достоевского и Андрея Белого: «Бедные люди», «Двойник», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя», «Серебряный голубь», «Петербург».

Цель исследования – теоретическое обоснование положения о специфике русской национальной ментальности, отраженной в произведениях русской литературы.

Рабочая гипотеза заключалась в предположении о том, что элементы мифологического сознания являются важной составляющей идеи русского национального избранничества, а также эсхатологической системы взглядов как Ф. М. Достоевского, так и Андрея Белого.

Общая цель и гипотеза исследования потребовали решения следующих задач:

- Определить и охарактеризовать содержательные составляющие «русской идеи», выяснить и указать причины, по которым в рамках русской национальной ментальности произошло искажение эсхатологических идей элементами мифологического сознания.
- Доказать, что в восприятии реформ (и самой личности) императора Петра Первого народным сознанием большую роль сыграла мифология, лежащая в основе русской национальной ментальности.
- Сравнить, как трактуется идея Конца Света в христианской традиции и в мифологии.
- Выявить человекобожескую сущность и механизм оформления идеи национального мессианства.
- Раскрыть содержание эсхатологической системы взглядов Ф. М. Достоевского.
- Раскрыть специфику образа Петербурга в романах Достоевского, доказать значимость этого образа в эсхатологической системе взглядов писателя.
- Доказать, что христианская (точнее говоря, эсхатологическая) и языческая (или мифологическая) составляющие «русской идеи» имели большое значение.

ние для формирования философско-мировоззренческой базы русского символизма.

- Раскрыть содержание и эволюцию эсхатологической системы взглядов Андрея Белого, выявить роль определенных выше полюсов «русской идеи» в контексте этой системы; показать место образа города Петербурга в этой системе.
- Показать и раскрыть мифологический и эсхатологический подтекст ключевых образов-символов романа «Петербург»: города Петербурга, Медного Всадника, Аполлона Аполлоновича Аблеухова, Сатурна и Аполлона, Красного домино Николая Аполлоновича, Белого Домино.
- Сравнить эсхатологические концепции Достоевского и Андрея Белого, определить: в каких именно пунктах своей историософской теории Белый следует традициям Достоевского.
- Выяснить, что было общего в том, как Ф. М. Достоевский и Белый трактовали «русскую идею».

Методы исследования: имманентный, интертекстуальный и сравнительный анализ художественного текста, философско-культурологическое истолкование, культурно-исторический комментарий, символично-мифологическая интерпретация.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика и уникальность «русской идеи» определяется синтезом следующих четырех её составляющих: «Востока», «Запада»¹, язычества и христианства.
2. Мифология и эсхатология (христианство) – это главные составляющие русского национального сознания и русской мессианской идеи в трактовке Достоевского и Андрея Белого. Обозначенные архетипы сознания – это также важные составляющие эсхатологических систем взглядов обоих названных писателей.
3. Образ Петербурга и петербургская тема играют ключевую роль в формировании и последующей эволюции эсхатологических концепций Достоевского и Белого.
4. Идеи, проповедуемые Достоевским со страниц всех его поздних романов, можно представить в виде единой эсхатологической системы взглядов писателя. Указанная система сводится к взаимодействию в рамках духовной жизни русского народа трех типов сознания: 1) национального православно-мессианского, 2) человекобожеского и 3) и буржуазно-мещанского. Указан-

¹ Здесь и далее слова «Восток» и «Запад» и производные от них, заключенные в кавычки, означают Восток и Запад не только и не столько в географическом смысле, сколько в мировоззренческом и культурологическом, в смысле комплекса определенных систем ценностей.

ная система была заявлена Достоевским в романе «Преступление и наказание», первом из больших романов писателя, во всех последующих произведениях классик уточнял и конкретизировал содержание составляющих названной системы.

5. В эсхатологических системах Достоевского и Андрея Белого реализация российского мессианства была тесно соотнесена с синтезом мифологии и эсхатологии, хотя этот синтез не был осознан (и потому так и не получил полного художественного воплощения) ни Ф. М. Достоевским, ни Андреем Белым.

Научная новизна исследования. В серьезных литературоведческих изысканиях не уделялось достаточного внимания изучению роли мифологического мировоззрения в «русской идее», а главное – в творчестве Достоевского и Белого. При этом одни авторы, принадлежавшие в основном к советской литературоведческой школе, акцентировали внимание на социальной или социально-психологической проблематике (большей частью – по отношению к Достоевскому), а другие изучали творческое наследие обоих писателей в ракурсе отношения их [писателей] теорий к религиозно-христианским доктринам. В отдельных случаях мифологические мотивы, образы и сюжеты, если и удаивались эпизодического упоминания, то для их обозначения исследователи нередко эксплуатировали термины: «нереальный», «фантастический», «призрачный» «мистический» и т. д.; по нашему мнению, все подобные обозначения искажают смысл слова «мифологический». Нам представляется очевидным следующее: элементы мифологического сознания занимают важное место как в религиозно-философских построениях Достоевского и Белого, так и собственно в их литературном творчестве; что, впрочем, замечают очень немногие ученые. Среди последних необходимо особо отметить А. В. Лаврова, который упоминал о сложном единстве мифологии и эсхатологии в сознании Андрея Белого: «"аргонавтический" миф воплощался <...> в разновидность мифа эсхатологического: искание "золотого руна" уподоблялось устремлению к солнцу»(Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. с.115). Итак, в данной работе мифологический подтекст идей и образов прозы Ф. М. Достоевского и Андрея Белого не только прямо назван таковым, но также выявление этого подтекста (вместе с подтекстом эсхатологическим) поставлено в центр внимания. Кроме того, мифология и эсхатология рассматриваются в диссертации как составляющие эсхатологических систем взглядов и Достоевского, и Белого, а названные системы – как результат осмысления обоими писателями «русской идеи» и эсхатологической судьбы России. Таким образом, элементы мифологического и эсхатологического типов сознания (в их художественном воплощении) исследуются в ракурсе проблемы о специфике русской национальной ментальности.

Методологической и теоретической базой исследования явились труды ученых литературоведов, исследователей творчества Ф. М. Достоевского и Андрея Белого (С. С. Аверинцев, Н. П. Андиферов, М. М. Бахтин, В. В. Бычков, И. Л. Волгин, П. П. Гайденко, И. И. Гарин, Ч. А. Горбачевский, М. С. Гус, О. Г. Дилакторская, В. Д. Днепров, Л. К. Долгополов, А. С. Долинин, Е. В. Ермилова, В. К. Кантор, В. Я. Кирпотин, Л. А. Колобаева, Ю. Г. Кудрявцев, А. В. Лавров, К. В. Мочульский, З. Г. Минц, К. Р. Попова, Д. Рицци, Е. П. Саруханян, В. А. Сарычев, Ю. И. Селезнев, Н. Н. Скатов, М. Л. Спивак, Г. М. Фридендер, З. О. Юрьева и др.), а также работы философов и историков, размышлявших над вопросами русской истории и русского национального сознания (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Д. С. Мережковский, В. С. Соловьев, С. М. Соловьев). Кроме того, в настоящем диссертационном исследовании были учтены взгляды современников как Достоевского (М. А. Антонович, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и др.), так и Андрея Белого (А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Н. В. Валентинов, В. В. Иванов и др.). Немаловажное значение для выработки нашей концепции имел опыт исследователей, изучавших языческую религию разных народов и мифологическое сознание вообще (А. А. Афанасьев, А. А. Бычков, Н. Н. Велецкая, К. Зелигманн, Н. А. Кун, Д. Д. Фрейзер, Н. С. Шапарова и др.).

Теоретическая значимость заключается в том, что диссертация способствует уяснению теоретических аспектов изучения истории русской литературы второй половины XIX в. и русского символизма рубежа XIX–XX вв., связанных с вопросами о русской национальной ментальности и эсхатологической судьбе России в их художественном воплощении.

Практическая значимость работы состоит в том, что содержащийся в ней материал, основные положения, выводы и обобщения могут быть использованы при разработке вузовских курсов истории русской литературы второй половины XIX – начала XX веков, а также в учебной работе студентов и аспирантов, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам, связанным с изучением творческого наследия Ф. М. Достоевского и Андрея Белого, русского символизма.

Апробация работы. Основные положения диссертации и отдельные проблемы исследования обсуждались на заседаниях кафедры литературы Липецкого государственного педагогического университета (2004–2006 гг.), на международной конференции в ЛГПУ (2005 г.), на конференции в Российской академии государственной службы при президенте РФ (2006 г.). По теме диссертации имеется семь публикаций, из них одна в издании, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объем диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Приложен список исследованной литературы, включающий 196 наименований. Объем диссертации – 190 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** были определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, ее научная новизна, обоснована актуальность, указаны источники и материал исследования, приведен перечень основных положений, выносимых на защиту, обозначены методы исследования.

В **первой главе «"Русская идея" и её роль в оценке "дела" Петра. Мифология и эсхатология»** названы и дифференцированы четыре составляющие «русской идеи»: 1) «Восток», 2) «Запад», 3) язычество и 4) христианство. Указаны причины, по которым в рамках русской национальной ментальности стало возможно смешение идеологий, различных по системам ценностей, которые они проповедают.

С опорой на суждения Д. Фрейзера определено различие между философией жизни «восточного» и «западного» человека. Смешение «Востока» и «Запада» в «русской идее» стало возможным благодаря географическому положению России на границе Востока и Запада, именно этим объясняется культурное влияние, которое русский народ за многие века его истории испытывал со стороны и «западных», и «восточных» цивилизаций.

Двоеверие, которое во многом определило специфику «русской идеи», можно объяснить тем, что распространение новой, христианской идеологии (после Крещения Руси) по ряду причин натолкнулось на объективные трудности. В результате христианство долгое время сосуществовало вместе со старыми языческими культурами. Поэтому два разных типа религиозного сознания (язычество и христианство) смешались в рамках русской национальной ментальности.

Под словом «мифология» имеется в виду не просто собрание символических текстов (мифов), но определенный тип мировоззрения с характерным для него набором принципов. Указаны следующие основные принципы мифологического сознания:

- **дуализм** – восприятие какого-либо явления в качестве единства двух его составляющих, находящихся в отношениях антагонизма и одновременно взаимодополняемости друг к другу; основные формы дуализма: материальное – идеальное, «земной» – «потусторонний» мир (добрый – злой, «чистый» – «нечистый»), живой – мертвый, «свой» – «чужой», белый – черный, правый – левый, четный – нечетный и т. д.), космоцентризм – человекобожие, мужской – женский;

- одушевление и обожествление природы;
- специфика организации мифологического пространства: язычники считали, что Космос со всех сторон окружен враждебными силами Хаоса, это представление нашло отражения в мифах о борьбе богов (Космоса) с хтоническими чудовищами (Хаосом);
- специфика организации мифологического времени: цикличность и повторяемость;
- мифическое время – первоэпоха, в которую, как считали язычники, происходили события, изложенные в мифах, мифическое время – это время богов и героев, время, когда мир пребывал в его идеальном состоянии; этим объясняется другой важный принцип мифологического сознания – сакрализация прошлого.

Наличие элементов мифологического мировоззрения в «русской идее» обусловило восприятие «дела» императора Петра Первого как антихристианского. Иначе говоря, Петр оттого, в значительной степени, обрел в народной и церковной среде славу «зверя»-Антихриста (на что указывает, например, известный историк С. М. Соловьев), что нарушил один из принципов мифологического мировоззрения, подверг остракизму авторитет прошлого, «освященного временем».

Эсхатология – это направление религиозно-философской мысли, изучающее аспекты иудейско-христианской версии Конца Света, выраженной в последней книге Нового Завета, «Откровение Иоанна Богослова». Мифология относит идеальную форму действительности в неопределенно далекое прошлое, согласно же тексту «Откровения», завершение Божьего замысла по созданию идеального мира (Новый Иерусалим) относится в неопределенно далекое будущее.

На базе синтеза мифологии и эсхатологии возникла главная «опора» «русской идеи», русское национальное мессианство. Если принять за основу слова Н. А. Бердяева о том, что «христианство не допускает народной исключительности и народной гордости <...> Христианство есть окончательное утверждение единства человеческого духа, духа всечеловечности и всемирности» (Бердяев Н. А. Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. с. 31.), то напрашивается следующий вывод: любая избранническая идея не может быть подлинно христианской. Было выдвинуто предположение о том, что национальное мессианство – это сумма следующих составляющих: 1) апокалиптического пророчества о грядущем Конце Света, явлении Антихриста, Втором Пришествии Христа, войне при Армагеддоне и сошествии Нового Иерусалима; 2) «восточной» идеи «личного спасения», если понимать под собирательной «личностью» тот или иной народ, якобы более способный нести слово Божие; 3) мифологического дуализма «свой» (народ) – «чужой», восприятие «своего» как сакрального и

«чужого» – как «нечистого». Затем избранническое право «сузилось» еще более, до символического представителя народа – царя, который и стал восприниматься как человекобог и который взял на себя единоличное право вершить судьбы государства и мира от имени Бога. Таким образом, национальное мессианство и человекобожие – два последовательных этапа развития одной и той же идеи. Тем не менее, царское человекобожеское тщеславие (на примере «дела» Петра) было воспринято народным сознанием (и Ф. М. Достоевским) как явление враждебное «православному» национальному избранничеству.

В завершение первой главы (со ссылкой на Бердяева) утверждается, что русская пишущая интеллигенция (в отличие, например, от западноевропейской) примеряет избранническую функцию на себя с целью преобразить российскую действительность по образцу некоей ее идеальной модели – в этом заключается идея жизнетворчества. Эта идея в значительной степени определила творческие искания и Ф. М. Достоевского, и Андрея Белого.

Вторая глава «Эсхатологическая система взглядов Ф. М. Достоевского» разделена на два параграфа.

В первом параграфе «Эволюция образа Петербурга в ранних произведениях Достоевского (“Бедные люди”, “Двойник”)» исследован начальный этап творчества Достоевского с целью выяснить: каким образом в первых двух произведениях классика начинала оформляться его эсхатологическая система взглядов.

Образ Петербурга сыграл в процессе этого оформления ключевую роль. Как уже было замечено исследователями (С. М. Соловьев, Е. П. Саруханян и др.), в рамках образа города у Достоевского происходило сцепление факторов внешних, метеорологических и внутренних, психологических, превратностей петербургского климата и свойств человеческой души. Иначе говоря, город Петербург в произведениях Достоевского оказался, в некотором смысле, отражением внутреннего мира человека. Здесь будет уместным уточнить, что итогом «петербургского периода российской истории» писатель считал духовный кризис русской нации, суть кризиса заключалась в разрыве духовных связей между разными слоями общества, интеллигенцией и народом, «высшей Россией» и «Россией народной». Названный кризис, по мнению Достоевского, определял особенности русской духовной жизни второй половины XIX в., поэтому и Петербург, являющийся отражением этой духовной жизни, изображался мрачным и ненастным.

Но уже в самом первом произведении писателя, в романе «Бедные люди», образ «столичного града» претерпел эволюцию, мифологизировался. Петербург стал самостоятельным образом, независимым от человека, довлеющим над человеком, подобно тому, как некая космическая сила, по мнению язычников, управляла их судьбами. Первым из персонажей Достоевского почувствовал

влияние Петербурга на свою душу главный герой романа Макар Девушкин. В «Двойнике» Петербург изображался как «нечистое» мифологическое пространство и в то же время – как демоническое существо, сознательно «раздваивающее» петербуржцев, заменяющее их инфернальными «двойниками» из загробного мира.

Итак, мифологизация образа Петербурга – это первый шаг в создании эсхатологической системы взглядов Достоевского и главный (для нашей работы) итог раннего периода творчества писателя.

Второй параграф – «Типы русского национального сознания в романах Ф. М. Достоевского».

Человекобожеская теория Родиона Раскольникова, главного героя романа «Преступление и наказание», имела в своей основе мифологическое представление о божественности института царской власти: царь в языческих обществах был наделен правом приносить человеческие жертвы при совершении магических обрядов, чтобы обеспечить безопасность и процветание своего племени. Так и Раскольников оставил за «необыкновенной» личностью право на преступление ради благой конечной цели. С другой стороны, «необыкновенная» личность (человекобог) – это попытка заменить Христа в его Втором Пришествии – в этом заключался эсхатологический аспект теории.

Итак, Раскольников намеренно убил старуху-процентщицу Алену Ивановну и случайно – ее беременную сестру Лизавету. Названные персонажи символизировали собой три типа сознания: Раскольников – человекобожеское, мессианское сознание; Алена Ивановна – мещанское, капиталистическое; Лизавета – национальное мессианское сознание. Здесь необходимо сказать, что одной из важнейших тем, которые Достоевский поднимал в своих произведениях, была тема детского страдания. Согласно Ю. И. Селезневу, Достоевский был убежден, что «дети <...> – образ Христов» (Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1990. с. 384–385). Иначе говоря, неродившийся ребенок, которого Родион Раскольников убил во чреве Лизаветы – символ Бога, сокрытого в глубине души русского человека. В этом заключался смысл эсхатологической системы взглядов Ф. М. Достоевского: человекобожеское мессианство в его войне против буржуазно-мещанского зла, по логике писателя, угрожало возрождению Бога в душах русских людей, возвращению их в лоно православия и национального мессианства.

Выше отмечено, что главным итогом раннего этапа творчества Ф. М. Достоевского и основой для построения будущей эсхатологической концепции была мифологизация образа Петербурга, которому писатель приписывал способность влиять на судьбы людей. Подобное содержание образ города несет и в «Преступлении и наказании», обуславливая своим «нечистым» пространством

происходящие в романе события. «Самый город <...> является как бы вдохновением героя (т. е. Раскольникова – Р. К.)» (Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб., 1991. с. 162).

Во всех последующих художественных и публицистических произведениях писатель уточнял, конкретизировал и развивал содержание указанных выше типов сознания.

1. На основании текстов Ф. М. Достоевского можно говорить о двух аспектах русского национального мессианского сознания, как его понимал великий писатель.

Первый и главный заключался в том, что русский народ, по мысли Достоевского, должен был стать центром «всечеловеческого» духовного единения людей и привести, таким образом, все другие народы мира к эсхатологическому спасению. «Народное, тихое и смиренное, но твердое и сильное слово», которое писатель иначе называет «народной правдой» или «почвой»; «слово», которое должно было стать основанием для «всечеловеческого» единения; «слово», за неспособность понять которое Достоевский неоднократно критиковал («высшую Россию»), заключалось в синтезе ценностей языческих (крепость семейных уз, трудовая забота о земле) с христианскими (человеколюбие). Однако, как заметил В. К. Кантор, Достоевский нигде не давал точной формулировки понятия «народной правды» (Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983. с. 36), что свидетельствует о неосознанности этого понятия самим писателем.

Второй аспект – это идея о замене государства «Вселенской Церковью». Отец Паисий (роман «Братья Карамазовы»), выражая эту идею, по существу, защищал ее от реформы Петра Первого по подчинению церкви государству, реформы, с точностью до наоборот воплощающей эсхатологические чаяния Достоевского. Здесь необходимо уточнить следующее: на позднем этапе творчества отношение Достоевского к «делу» Петра и к Европе заметно усложнилось. Если в «Двойнике» все немецкие элементы российской действительности изображались писателем, в соответствии с логикой мифологического мышления, «нечистыми» отчасти потому только, что они «чужие», то позднее, в «Дневнике писателя», Достоевский высказывал мысли, в некотором смысле, противоположные его прежним взглядам. В частности, он писал: «Нам от Европы никак нельзя отказаться» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. с. 23). Классик считал истинной и конечной целью петровских преобразований – выполнение эсхатологической миссии русского народа, чего, по мнению писателя, не предполагал и сам Петр, проводя реформу исключительно на бытовом, утилитарном уровне. В результате непонимания эсхатологических задач реформы и самим реформатором, и русским народом вышла пародия на

«всечеловеческое» единение – «единение» «тогдашних либералов» с Европой на уровне костюма, курения табака и проч. и отрицание ими всей остальной России по критерию ее несоответствия эстетическим нормам европейского образа жизни. А результат названного отрицания – «фаздор» между разными слоями русского общества, «раздор», в котором Достоевский видел «корень зла». Следует также уточнить, что, по мнению писателя, «петербургский период российской истории» – это задуманное Богом испытание; а в контексте эсхатологической теории Достоевского – это проверка способности русского народа исполнить эсхатологическую миссию «всечеловеческого» объединения.

2. Основы человекобожия, по Достоевскому, – рационализм и атеизм. Символ первого – лабиринт, к которому сводилась внутренняя архитектура дома Рогожина (роман «Идиот»), второго – образ Христа «в его омертвленном, искаженном состоянии» на копии с картины Гольбейна «Труп Христа». Образ Христа на картине может служить объяснением того, почему не может состояться Второе Пришествие, по мнению, например, Раскольникова: потому что Спаситель мертв. Таким образом, можно предположить, что представление о мертвом Христе, изображенном на картине, легло в основу теории человекобожеской теории.

Можно разграничить два типа человекобожия в поэтике Ф. М. Достоевского.

Насильственное распространение материально обусловленного «счастья» – это содержание первого типа человекобожия, и именно этот тип идеи, проповедуемой бывшим студентом Родионом Раскольниковым и Великим Инквизитором, правомерно соотносить с революцией, «нигилизмом» или «бесовством». Цель такого человекобожия – построение рукотворного Нового Иерусалима, средство – «преступление», то есть жертвование свободой и жизнями многих людей. Выше утверждалось, что теория Раскольникова – синтез мифологических представлений (божественность царской власти) и эсхатологических прочертов (Второе Пришествие).

Инженер Кириллов, (в романе «Бесы»), исповедовал человекобожие второго типа. Концепция Кириллова принципиально иная, чем теория Раскольникова. Цель человекобога-Кириллова – утверждение величия человеческого духа, средство – жертвование собственной жизнью. Идеалистическая подкладка этой теории вносит в нее христианский элемент: добровольная смерть Кириллова как утверждение духа над плотью это, в определенном смысле, – повторение смерти Христа. Теория «логического самоубийцы» – это также синтез мифологии (человекобожие, космоцентризм¹) и христианства (в эсхатологическом

¹ Дело в том, что «своеволие» в случае Кириллова, вовсе не означает свободу: как верно заметил Бердяев, оно понимается «логическим самоубийцей» как «долг», «священная обязанность». Бердяев Н. А. Мировоззрение Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 144.

ключе). Однако между теорией Раскольникова и Кириллова есть, по меньшей мере, два отличия: 1) Кириллов не предлагает деспотичных средств (убийства) для достижения идеала; 2) сам идеал Кириллова не материально обусловлен, как у Раскольникова (науки, государственная власть), но связан, повторяем, с величием человеческого духа, что, по мнению Достоевского, – гораздо ближе к христианству. Поэтому по отношению к человекобожии в трактовке Кириллова позволительно говорить, если не о смещении, то о возможности сближения двух типов мессианства, «всечеловеческого» и человекобожеского. Следует иметь в виду, что цель кирилловского мессианства (утверждение идеализма) – христианская только отчасти. Цели «логического самоубийцы» это утверждение, во-первых, идеализма и, во-вторых, – «своеволия» как долга перед некими высшими силами. Соответственно «раздваиваются» и средства: самоубийство Кириллова – это повторение не только смерти Христа, но и – самосожжения мифического героя. Поэтому Кириллов – не выражение писательского идеала (как считает, например, И. И. Евлампиев), Кириллов – есть только путь к оформлению и выражению этого идеала.

3. Итак, есть основания предполагать, что Достоевский все-таки искал некие точки соприкосновения между двумя типами русского национального сознания: 1) человекобожием и 2) русским, национальным мессианством. Что же касается идеологии буржуазного образа жизни, то отношение к нему у писателя было однозначно негативным. Мещанское сознание в романах Достоевского – это не капитализм в собственном смысле слова, основой которого является частная собственность, рыночная экономика и гражданское общество. Мещанство, по Достоевскому, – это «развратительная идея», синтез морали капиталистической, направленной на получение экономической выгоды, и морали человекобожеской, идеи «хозяина». Поэтому многие герои Достоевского, исповедующие мещанские ценности, стремятся не столько и не только к получению прибыли, сколько и к тому, чтоб реализовать и показать свою власть над другими людьми, показать себя «хозяином» (Лужин, Рогожин, Карамазов-старший и др.).

В конце второй главы нам снова потребовалось обращение к специфике образа Петербурга Достоевского, чтобы ответить на вопрос: какую роль в произведениях писателя играет подлинная топонимика города Петра, давно замеченная исследователями. Было сделано предположение, что детали физической реальности «столичного града» потому важны для Достоевского, что они символизируют собой составляющие эсхатологической концепции классика. Но утверждать, что во всех поздних романах Достоевского внешнее – это отражение внутреннего (как в романе «Бедные люди») было бы неверно. Внешнее здесь – скорее обобщенный символ внутреннего развития человека, ставший

уже не отражением, а напротив – ориентиром его духовной эволюции. Внешнее не отражает, а символизирует внутреннее.

Третья глава «Роман “Петербург” Андрея Белого в контексте идейных исканий Русского ренессанса» разделена на четыре параграфа.

В первом параграфе «Символизм» был совершен краткий экскурс в эстетику символизма как направления русской литературы рубежа XIX–XX вв. Указано, что символистское искусство возникло во Франции как своеобразная реакция на духовный кризис второй половины XIX в. Суть кризиса состояла в принижении достоинства человеческой личности в пользу ценностей экономических. Поэтому в новом, символистском искусстве приоритеты были расставлены с точностью до наоборот, в пользу обожествления личности. В России апофеоз развития капитализма пришелся именно на рубеж XIX–XX вв., когда, согласно свидетельству Н. А. Бердяева, в русской духовной жизни наблюдалось усиление апокалиптических настроений, окрашенных в тона пессимистические: «Ожидали не столько новой христианской эры и пришествия Царства Божьего, сколько царства антихриста» (Бердяев Н. А. Русская идея / Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.; Харьков, 2003. с. 201). Поэтому в сознании русской интеллигенции обозначились весьма прозрачные аналогии между ожидаемым установлением царства Антихриста и распространением буржуазно-капиталистической системы ценностей.

Представители русского символизма наиболее кардинально делились на «старших» символистов и «младших», на «петербургских» и «московских». Кроме того, в конце XIX в., на заре символизма в России, его представители разошлись во мнениях относительно понимания самих целей и сущности символизма: одни (В. Соловьев, Д. Мережковский, Андрей Белый, А. Блок, В. Иванов, С. Соловьев и др.) ориентировались на «мифотворчество» и считали, что символизм и искусство вообще – это плацдарм для переделки мира в соответствии с их новой «религией»; другие (В. Брюсов) – на «формотворчество», т. е. на экспериментаторство в рамках литературы и только.

В основе и мифотворческой, и формотворческой трактовок символизма лежала идея автономности искусства, но реализована она была в обоих случаях по-разному.

В русской классической литературе второй половины XIX в. искусство в общем выполняло служебную роль посредника между некоей «спасительной» идеей (чаще – религией или революцией) и человеком. Со временем, как считали модернисты, традиционное искусство выродилось в самодостаточную идею и утратило свое первоначальное идеологическое содержание. Представители мифотворческого символизма понимали искусство не в качестве носителя религиозных истин, а фактически приравнивали искусство к религии, понятия

«искусство» и «религия» стали для них синонимичными. В. Брюсов (наиболее видный представитель формотворческого направления) в решении вопроса об автономности искусства более последователен: искусство, по мнению Брюсова, должно быть не только независимым от религии, науки, общественности и т. д., но более того – безразличным по отношению к ним.

Эпоха модернизма имела свою отрицательную сторону. Как утверждает Н. А. Бердяев, «ренессанс стоял не только под знаком Духа, но и Диониса. В нем смешался ренессанс христианский с ренессансом языческим». Причиной подобного смещения ориентиров философ называет преобладание в «нашем ренессансе» элемента эстетического над этическим, что привело к ослаблению воли и утверждению идеи космоцентризма, поэтому «мироощущение поэтов-символистов стояло под знаком космоса, а не Логоса, поэтому космос поглощает у них личность» (Бердяев Н. А. Русская идея / Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.; Харьков, 2003. с. 226, 228). Таким образом, мифология (космоцентризм) и эсхатология стали полюсами мироощущения русских символистов и во многом определили особенности символистского искусства в России.

Второй параграф «Роман “Петербург” в контексте историософской концепции Андрея Белого» состоит из трех разделов.

Мифотворческие концепции русских символистов во многом определяла идея грядущего апокалипсического преображения мира, что, в известном смысле, означало крушение капиталистического строя; поражение революции 1905 года привело к разочарованию в этих эсхатологических ожиданиях. Андрей Белый был одним из многих разочаровавшихся. Возникла творческая потребность в новом источнике духовного возрождения человека. Белый начинает видеть этот источник в духовном потенциале самой России и ее народа. Таким образом, тема России и «русской идеи» становится центром творческих исканий писателя.

Согласно утверждению Л. К. Долгополова, «проблема России как некоего комплекса элементов не только географических, исторических и социальных, но и нравственно-психологических, прочно связанных с соответствующими элементами Запада – с одной стороны, Востока – с другой, еще не была ни у Пушкина, ни у Достоевского. Россия и Запад – именно и только так ставилась проблема русской истории на протяжении XIX века» (Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. с. 185). По мнению исследователя, проблема России в ее отношении не только к «Западу», но и к «Востоку» актуализировалась в отечественной литературе и философии после поражения нашей страны в русско-японской войне. В этом смысле замысел трилогии «Восток или Запад», задуманный и оформленный Андреем Белым с 1905 по 1911 гг., вполне согласовался с общим направлением русской религиозно-философской мысли

эпохи рубежа XIX-XX вв. Суть историософской теории Белого заключалась в следующем: в мире противостоят друг другу две исторические силы, «Восток» и «Запад»; Россия воспринимается Белым как поле всемирной битвы этих полюсов, как сила, которая должна была определить направление дальнейшего хода общемировой истории.

Первый раздел – «"Серебряный голубь" и декадентский кризис "русской идеи"».

В первой части трилогии, повести «Серебряный голубь», Андрей Белый предполагал изобразить негативную тенденцию «Востока» и ее влияние на своих бывших соратников по символистскому лагерю (декаденты, в первую очередь – Д. С. Мережковский и петербуржцы). Явление, которое автор повести называл «пьянством души» и которое, по мнению писателя, искажало суть «теургического» «творчества жизни», можно свести к сумме его двух составляющих:

- «Восточная» идея «личного спасения»: «личное» означает в данном контексте то, что относится только к небольшой замкнутой группе людей (сектанты), сознательно и намеренно отделяющей себя от духовной культуры русского народа.
- Смещение идеального и материального: Плоти и Духа, Софии и мировой души, Христа и Диониса. Такое «смещение», повторяем, – одна из форм мифологического дуализма.

Раздел второй «Творческая история романа "Петербург"». Роман, который впоследствии получил название «Петербург», изначально задумывался как продолжение фабульной линии «Серебряного голубя». Однако в дальнейшем образ Петербурга (место действия) претерпел эволюцию, мифологизировался, вышел на первый план, заслониł собой прежде задуманный сюжет. Со ссылкой на авторитетных исследователей (Долгополов, Мочульский) установлено, что в данном случае сыграли роль обстоятельства личной биографии, иначе говоря, Петербург стал для писателя «нечистым» и «роковым» из-за неудавшегося романа с Л. Д. Блок.

Впрочем, было бы неправильно утверждать, что «Петербург» – это только результат художественного переосмысления некоторых эпизодов биографии писателя. Еще с середины XVIII в. в русской литературе и философии начал складываться так называемый «петербургский миф». Писатели и мыслители, которые создавали свои произведения в рамках этого «мифа», пытались осмыслить значение «столичного града» и петровских преобразований вообще в истории российского государства, в контексте этого же «мифа» написан и роман «Петербург». Белый суммировал опыт своих предшественников (Ключевский, Вл. Соловьев, Мережковский, Достоевский и др.) и выстроил собственную мифологию города Петра.

Раздел третий – «Мифологическая и эсхатологическая символика в образах романа «Петербург»».

Эсхатологическая система взглядов начала складываться в творчестве Белого еще в конце XIX в. в первых произведениях писателя. Эта система сводилась к трем пунктам:

1. конфликт «нечистого» мифологического (циклического) и сакрального апокалиптического (линейного) времени («Симфонии»);
2. ожидание скорого свершения апокалиптических пророчеств («Золото в лазури»);
3. явление лже-мессии, Антихриста («Пришедший»).

Далее был изучен вопрос о том, каким образом к моменту создания романа «Петербург» (1913) эволюционировали взгляды Андрея Белого по названным пунктам.

1. Конфликт мифологии и эсхатологии существенно усложнился: простота главного конфликта романа (мифологический Сатурн и эсхатологический прирзак Христа) – кажущаяся, поскольку в образах и бога времени, и «Христа» переплелись элементы обоих архетипов сознания. Таким образом, главный конфликт романа «Петербург» имел три стороны: 1) мифологический сценарий Конца Света (мировой катаклизм) и эсхатологический (Второе Пришествие Спасителя); 2) мифологический Христос как Солнце, «светлое» начало и мифологический «нечистый», «злотворный» Сатурн; 3) эсхатологический Христос как будущий ангел «седьмой печати» в одеждах, «окрашенных кровью» и эсхатологический Сатурн, ассоциируемый с антихристианским (в контексте теории Белого) «востоко-западом».

2. В эпоху создания «Петербурга» Белый по-прежнему верил в Апокалипсис, но «отодвинул» его наступление в неопределенно далекое будущее. В тексте романа писатель прямо указал, что «ответ» «печального и длинного» (Второе Пришествие Христа, по мысли Белого) будет, но «будет после – через час, через год, через пять, а пожалуй, и более – через сто, через тысячу лет, но ответ будет!» (Белый А. Петербург. Москва: В 2 т. Тула, 1989. Т. 1. с. 399–400).

3. В «Петербурге» Антихрист как личность не был представлен. Да и вообще личность в космоцентрическом мировоззрении русских символистов была максимально редуцирована в пользу различных идей, эманулирующих из высших космических сил. Идеи по-разному комбинировались и тем самым определяли индивидуальную суть образа того или иного персонажа. Как утверждал Н. А. Бердяев, «космос поглощает у них [русских символистов – Р. К.] личность». Поэтому не было Антихриста как личности, но вместо того была антихристианская идея, идея «Востоко-Запада», которую в полной мере воплощали главные герои романа: сенатор Аблеухов, его сын Николай Аполлонович и террорист Дудкин.

В результате анализа основных образов романа, сделаны следующие выводы: в писательском сознании Белого (в эпоху создания романа, 1911–1913 гг.) стала доминировать идея не конфликта, а синтеза мифологии и эсхатологии. Образы, принадлежавшие миру Петербурга, негативно воспринимаемого Белым (Сатурн, Аполлон Аполлонович, Красное Домино, Шишнарфиз), были ассоциированы одновременно и с «нечистой» силой (мифология), и с антихристианским «востоко-западом» (эсхатология); противопоставляемый им «призрак Христа» – одновременно и носитель идеи духовного объединения людей (христианство, эсхатология), и воплощение бога Солнца (мифология). Как считал Андрей Белый, «злые силы» уже «прободали» Солнце-Аполлона (в видении Аблоухова-старшего), потому автор романа призывал Солнце-Христа взойти над «нечистым» городом Петербургом.

Третий параграф – «Мифология в судьбах героев “Петербург” Андрея Белого и “Огненного ангела” В. Брюсова».

Основной тезис данного параграфа заключается в том, что образ круга в романах «Петербург» и «Огненный ангел» символизировал некие высшие силы, которые влияли на духовное развитие персонажей (Дудкина и Рупрехта), точнее говоря, устанавливали предел этому развитию, замыкали в себе духовное бытие личности, подобно тому как Хаос, в представлении человека дохристианской эпохи, замыкал в себе космическое пространство. Поэтому круг – это также символ ограниченности и замкнутости внутреннего мира героев.

Таким образом, в завершение разговора о русском символизме нами была предпринята попытка доказать, что 1) русский символизм рубежа XIX–XX вв. – целостный общекультурный феномен при всех очевидных расхождениях между тем, как представители разных его направлений понимали сущность и задачи «нового искусства» (Белый и Брюсов); 2) художественный метод символизма – един; 3) главная особенность названного метода заключается в широком использовании символистами мифологической символики.

В четвертом параграфе «Традиции Ф. М. Достоевского в романе “Петербург” Андрея Белого» указано: что роднило Белого с Достоевским в их отношении к «русской идее» и ее художественному воплощению, и что отличало идеологические, религиозно-философские и социальные установки обоих писателей.

Белый следует традициям Достоевского в двух основных пунктах: 1) в условно-символической линии изображения Петербурга, которая была связана с отношением к нему, как к городу призрачному, фантастическому, «нечистому»; 2) в привязывании русского национального мессианства к революции. Однако если для Достоевского была важна не только символическая, мифологиче-

ская, но и реальная, физическая сущность Петербурга, то для Андрея Белого Петербург был исключительно и только символом, символом «дела» Петра. Далеко не во всем Белый согласен с классиком и в вопросе о русской революции. Как писали ученые (например, И. Волгин), Достоевский питал надежду на возможность восстановления духовного диалога между самодержавной властью и народом, поэтому классик неоднозначно оценивал значение и революции, и государственности. В писательском сознании Белого (и большинства модернистов) государственность была прочно соотнесена с «антихристианским» капитализмом, то есть с явлением крайне негативным. Революция 1905 г. воспринималась Андреем Белым во многих отношениях в контексте апокалиптической теории «мирового пожара», поэтому неудивительна, например, такая реакция писателя на новость о бунте броненосца «Потемкин»: «Началось: навести бы орудия на все Одессы, столицы, усадьбы; и жарить гранатами!» (Белый А. Воспоминания: В 3 кн. Кн. М., 1990. Кн. № 3. с. 33). С другой стороны, в «Петербурге» Белый предлагал иной сценарий революции, ассоциированный с исполнением русского национального мессианства. Впрочем, и названный сценарий, и содержание эсхатологической утопии Андрея Белого – весьма абстрактны.

В Заключении подведены итоги исследования, сделаны выводы.

Инфернальность Петербурга и «петербургского периода российской истории», в осмыслении Достоевского и Белого (а также их предшественников, русских писателей и мыслителей), – в том, что именно Петр Первый «провел черту» между интеллигенцией и народом и оставил после себя призрак внутринационального раскола – город Петербург. Высказано следующее предположение: «ошибка» Петра заключалась в том, что император совершал свои глобальные преобразования основ русской жизни, отступив от основания национальной идеи, веры в Россию, в её культурную и духовную самоценность.

Итак, обозначено три столпа «русской идеи», главный из которых – мессианство, покоящееся на двух других «опорах»: 1) соборности, в условиях которой только и возможно было, по мнению обоих писателей, соединить мессианство интеллигентское, человекобожеское (мифологическое) и православное, национальное, народное и 2) вере в Россию. Мессианство предполагало распространение некоей идеи и духовного «всечеловеческого» объединения людей на основе этой идеи. Названная идея, как она была отражена в творчестве Ф. М. Достоевского и Андрея Белого, была тесно соотнесена с синтезом мифологического сознания и эсхатологии. Однако указанный синтез и эсхатологический идеал, с которым он был тесно соотнесен, повторяем, вряд ли носил осознанный характер. Ведь ни Достоевский, ни Андрей Белый так и не дали точной

формулировки или полного художественного воплощения своим представлениям об «идеальном мироустройстве».

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Крысин Р. И. Традиции Ф. М. Достоевского в романе «Петербург» Андрея Белого // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Липецк: ЛГПУ, 2005. С. 136–142.
2. Крысин Р. И. Эволюция образа Петербурга в раннем творчестве Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Двойник») // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы международной научной конференции «XIII Барышниковские чтения» (24-25 февраля 2005 г., г. Липецк) / ЛГПУ, Департамент образования и науки администрации г. Липецка. – Липецк, 2006. С. 96–99.
3. Крысин Р. И. Мифология и эсхатология Петербурга в романе «Петербург» Андрея Белого // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 141–148.
4. Крысин Р. И. «Невидимый Град» как отражение славянофильских идей в воззрениях Андрея Белого // Иван Киреевский и идеи славянофильства: теория, история, современное осмысление: Материалы «круглого стола». М.: РАГС, 2007. С. 146–158.
5. Крысин Р. И. Мифология в судьбах героев романов «Петербург» Андрея Белого и «Огненный ангел» Вал. Брюсова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Липецк: ЛГПУ, 2007. С. 190–198.
6. Крысин Р. И. Человекобожие в контексте идейных исканий Ф. М. Достоевского // Крысин Р. И.; ЛГПУ. – Липецк, 2007 – 9 с. – Библиогр.: с. 9. Деп. в ИНИОН РАН № 60396 от 04.10.2007.
7. Крысин Р. И. Эсхатологическая система взглядов Ф. М. Достоевского // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Выпуск 11(67). С. 254–258. (Издание, рекомендованное ВАК РФ).

Подписано в печать 06.03.2009 г. Формат 60x84/16.
Бумага 80 г/м². Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 1,4. Тираж 150 экз.
Заказ № 1126. Цена свободная.
Липецкий эколого-гуманитарный институт.
398 600, Липецк, ул. Интернациональная, 5а. тел. 28-03-75

